

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.18101/2686-7095-2024-1-36-45

СИБИРЯК КАК ВАРИАНТ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА РУБЕЖА 1950–1960-х гг.

© Гончаров Пётр Андреевич

доктор филологических наук, профессор,
Мичуринский государственный аграрный университет
Россия, 393760, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101;
научный сотрудник,
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского
Россия, 191023, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15
goncharovpa2015@yandex.ru

© Щербакова Вероника Аркадьевна

кандидат филологических наук, преподаватель,
Мичуринский государственный аграрный университет
Россия, 393760, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101;
научный сотрудник,
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского
Россия, 191023, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15
weronikapoluschkina@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется специфика характера сибиряка, представленная и осмысленная в рассказах и повестях В. Астафьева. Актуальность исследования обусловлена вниманием современного литературоведения к историософской составляющей проблематике русской прозы, необходимостью изучения произведений русской литературы XX в. в ее эволюции, наиболее ярких проявлениях и оценках. Целью данного исследования является определение особенностей созданного в рассказах и повестях В. Астафьева характера сибиряка в качестве варианта русского национального характера. С помощью биографического, историко-функционального и текстологического методов анализируются рассказы В. Астафьева «Гражданский человек», «Сибиряк», повести «Перевал», «Стародуб», публицистические произведения писателя. Рассматриваются различные взгляды на особенности русского национального характера.

В результате проведенного анализа установлено, что в рассказах и повестях В. Астафьева создан яркий образ героя-сибиряка, храброго воина, готового к самопожертвованию, закаленного в суровых условиях жизни Сибири, трудолюбивого, знающего и чувствующего природу. Редактирование Астафьевым его первого рассказа шло по пути акцентирования сибирского происхождения его главного героя. Доказано, что астафьевский сибиряк включает в себе коренные свойства русского национального характера, дополненные качествами, связанными с особыми этногеографическими обстоятельствами истории и современности Сибири. Сделаны выводы о том, что астафьевский сибиряк является вариантом русского национального характера, указано, что в последующем зрелом и позднем творчестве В. Астафьева усилено внимание писателя к судьбе героев-сибиряков.

Ключевые слова: В. Астафьев, проза, национальный характер, сибиряк, рассказы, повести, «Гражданский человек», «Перевал», «Стародуб».

П. А. Гончаров, В. А. Щербакова. Сибиряк как вариант русского национального характера в прозе В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Для цитирования

Гончаров П. А., Щербакова В. А. Сибиряк как вариант русского национального характера в прозе В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 1. С. 36–45

Введение

Название статьи обязывает вначале указать на используемое в данной работе определение национального характера. В соответствии с одним из принятых в социальной философии определений национальный характер есть «совокупность наиболее устойчивых психологических качеств, сформированных у представителей нации в определенных природных, исторических, экономических и социально-культурных условиях ее развития» [10].

Здесь же заметим, что связанные с этим феноменом понятия «литературный характер», «тип», «персонаж», «герой», «действующее лицо» и т. п. используются далее также в общепринятом значении.

Сформулированная и заявленная здесь проблема определяла творческие искания не только Астафьева-художника, создавшего яркую галерею героев и антигероев, отражающих и выражающих специфику русского национального характера, но и Астафьева-публициста, пытающегося осмыслить свой опыт и опыт литературной классики в этом направлении. В статье «Во что верил Гоголь» (1989) В. Астафьев утверждает: «Весь секрет, видимо, в том, что в основе своей человек, значит, и его характер, прежде всего, видимо, национальный русский характер, в худших и лучших своих проявлениях, особенно в худших, — мало переменчив. Вот почему в далеких гоголевских персонажах мы узнаем себя, обнаруживаем свои пороки и то самое, о чем, качая головой, говаривал творец: «Ох уж этот русский характер!», «Ох уж эта наша русская дурь!». Правда, мы не раз уже, и очень громко, объявляли себя и общество свое самым лучшим, самым передовым, разом переделавшимся, устремленным к какой-то качественно новой жизни <...>» [2, т. 12, с. 376]. Не только в данной статье, написанной на пике интереса писателя к специфике русской души, ее взлетам и особенно изъясам, к обозначившимся перестроечным переменам, но и во многих предшествующих и более поздних своих произведениях, В. Астафьев склонен обращаться к этой актуальной для него проблеме, достаточно сложной и для реализации в художественном творчестве, и для теоретического истолкования.

Материалы и методы исследования

Не углубляясь в предельно сложную и принципиальную дискуссию о существовании русского национального характера, примем за основу те определения и свойства русского национального характера, которые выделены одним из авторитетнейших русских философов Н. А. Бердяевым. В силу обстоятельств его собственной жизни (выслан из страны), в силу особенностей эволюции его взглядов на историю России, на «русскую идею», на русского человека (от марксизма к персонализму)

этого философа трудно заподозрить в субъективизме, в крайностях суждений о русском национальном характере. Обращает на себя внимание, что Н. А. Бердяев еще до начала качественных характеристик в числе основополагающего свойства «русской души» выделяет ее «противоречивость и сложность». Философ объясняет эту сложность и противоречивость «тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [4, с. 10]. Но если признать эту характеристику актуальной для России в целом, то она тем более важна для ее азиатской части, для Сибири.

Интересно, что один из известных русских этногеографов и этнологов Л. Н. Гумилев отрицал само понятие национального характера. Тем более интересно, что современные исследователи особенностей русского народа не могут обойтись без популяризованного им понятия «этногенез».

В этой связи представляется репрезентативным замечание историка и этнографа И. И. Шангиной о русском народе в целом: «Своеобразие культуры русского народа, его образа жизни и менталитета определялось множеством факторов: этногенезом, основными видами хозяйственной деятельности, религией, формой государственного образования, историческими событиями» [13, с. 9].

Оставаясь понятием целостным и устойчивым, русский национальный характер в его конкретных проявлениях, вероятно, включает в себя некоторые специфические особенности, связанные с различным воздействием указанных выше и иных факторов. Так, шолоховский Григорий Мелехов, бесспорно, представляет собой русский национальный характер, дополненный качествами индивидуальными и свойствами казачества как одной из этнических групп русского народа. Его вспыльчивость, доходящая до ярости, его пассионарность, воинская удаль — суть свойства и индивидуальные, и обусловленные историей казачества, его особым этногенезом.

Заметим поэтому, что существуют интересные и обоснованные, хотя и небесспорные попытки вычленив из сферы русской ментальности характеристики, относящиеся к другим отдельным этногеографическим территориям [11].

На наш взгляд, тот или иной регион, та или иная этническая общность (Русский Север, Сибирь, казачество, старообрядчество и т. п.) в силу специфики географии, климата, истории, религии, традиций, этногенеза располагают своими особыми «изводами», вариантами русского национального характера, что совершенно не умаляет их оригинальность и ценность, а лишь подчеркивает объемность понятия «русский национальный характер». Астафьевский сибиряк рассматривается в нашем случае именно в этом ракурсе. Заметим также, что один из продуктивных подходов к анализу литературных явлений в современном литературоведении традиционно «связан с восприятием литературы как одной из сфер воплощения русского национального характера» [4, с. 10].

Известно, что окончательный вариант первого рассказа В. Астафьева, опубликованного в 1951 г., через несколько лет получает иное название: рассказ стал называться «Сибиряк» (1959). Переименованием Астафьев приближает своего

первого героя не только по военной специальности (связист), но и по происхождению к себе, а понятие «сибиряк» с этого момента все более наполняется в его творчестве особым духовным, нравственным и психологическим содержанием. Это, по сути, новая ипостась, новая версия русского характера, связанная и с происхождением, и с симпатичными писателю душевными свойствами, необычной стойкостью к нравственным и физическим испытаниям. Герой этого рассказа закален суровыми условиями Сибири, не боится никакой работы, даже самой тяжелой и грязной. Неслучайно Мотя Савинцев налаживает связь через болотистое русло ручья, а гибель встречает посреди некогда породившего его «ржаного поля». Первый вариант рассказа имел другое название («Гражданский человек» — 1951) и совсем иной — счастливый финал. В том варианте рассказа Мотя Савинцев лишь ранен, а в госпитале узнает о награде.

В окончательном варианте сибиряк Матвей Савинцев, отправляясь на смертельно опасное задание, по существу, осознанно жертвует собой. Допустимость и необходимость самопожертвования ради семьи, рода, родины — одно из свойств русского национального характера, происходящее из его «аскетически-монашеских», христианских истоков. Готовность положить душу за други своя — одна из главных православных доблестей. Эта мысль, как известно, берет свое начало от Евангелия: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13). Вряд ли Астафьев в 1959 г. осознает связь поворота сюжета своего рассказа с актуализацией христианского мотива. Тем более связь этого наметившегося мотива с распространенным в русском старообрядчестве самосожжением ради избавления от антихристовых соблазнов и гонений.

Необходимо отметить, что В. Астафьев оказался в плане акцентирования сибирской идентичности своих героев наиболее последовательным среди «сибирских» писателей. У А. Вампилова, В. Распутина, С. Залыгина, В. Шукшина тенденция вычленения сибиряка из общего понятия «русский характер» прослеживается менее четко и, наверное, поэтому определена наиболее четко лишь шукшиноведами. По мотивированным и обоснованным предположениям известного шукшиноведа С. М. Козловой, в художественном мире В. Шукшина лишь сибирский вектор ведет «не к концу русского света, а к его новому началу» [6, с. 4–9]. В прозе В. Астафьева эта идея, судя по первому рассказу, намечается рано и противоречиво развивается практически во всех произведениях, достигает полноты и объемности в образе сибиряка-старообрядца в его последнем романе.

Бесспорно, что в выборе и предпочтении героя-сибиряка значительную роль играло сибирское происхождение автора рассказа. Однако литература 1940–1990-х гг. и помимо В. Астафьева уже «выдвинула» в качестве героев отважного и расторопного алтайца Валегу («В окопах Сталинграда» В. Некрасова), богатыря-сибиряка, разведчика Аниканова («Звезда» Э. Казакевича), сибиряков в «белых полубухах» в заснеженном Подмоскowie («Генерал и его армия» Г. Владимова).

Результаты

Очевидно, что первый астафьевский рассказ открывает (точнее, пока еще абрисно намечает) в творчестве прозаика тип героя-сибиряка. Астафьевский сибиряк — человек мужественный, жизнестойкий, свято соблюдающий долг перед большой и малой родиной, перед домом, родной деревней, перед семьей.

Трагический финал окончательного варианта рассказа свидетельствовал об утверждении особого аспекта в изображении войны, аспекта, усилившегося у В. Астафьева на протяжении всего его творчества и приведшего его в романе «Прокляты и убиты» к изображению Великой Отечественной войны в качестве Апокалипсиса. Измененное же название первого рассказа ставит на первый план сибирскую этническую идентичность главного героя, отражая наметившуюся у писателя тенденцию к поэтизации образа Сибири и сибиряков.

В эпизоде гибели Моти Савинцева в ответ на «последнюю заповедь» главного героя его фронтовой товарищ Коля Зверев «завыл и затопал ногами. — Да какое ты имеешь право заживо в могилу оформляться?! Ты есть сибиряк! Понятно?! И ты живой будешь! Понятно?!» [2, т. 1, с. 82].

Переосмысленный трагический финал рассказа (смерть Савинцева), троекратное упоминание о крестьянском сибирском роде Матвея, усиленные новым названием, отсылающим к алтайским корням персонажа, позволяют сделать вывод о том, что все это является результатом поиска «своего» героя, поиска, характерного для В. Астафьева 1950–1960-х гг.

Матвей Савинцев, конечно, не исчерпывает и даже «не называет» всех свойств характера астафьевских героев-сибиряков. Вспомним, что различие между персонажем и характером отмечал еще Аристотель: «Действующее лицо будет иметь характер, если <...> в речи или действии обнаружит какое-либо направление воли, каково бы оно ни было <...>» [1, с. 44.]. «Направление воли» становится своеобразным маркером характера. Крестьянское трудолюбие и привязанность к родной алтайской деревне Каменушке, выносливость, воспитанная суровым климатом Сибири, самоотверженность, переходящая в готовность к осознанному самопожертвованию — это основы характера, которые в последующих произведениях В. Астафьева будут дополняться иными важными качествами. Проявлению характера могут способствовать незначительные, на первый взгляд, поступки и события. Данной точки зрения придерживался Г. Э. Лессинг, который отмечал, что «с точки зрения поэтической оценки самые великие дела те, которые проливают наиболее света на характер личности» [8, с. 38–39]. Именно поступки, по мнению Лессинга, составляют события, «историю» героя и являются воплощением характера. Выполнить приказ, невзирая на опасность гибели, смерти, исполнить волю командира вопреки желанию выжить — именно этим руководствуется астафьевский воин-сибиряк.

Несколько иной подход к определению характера развивает современный теоретик литературы Л. В. Чернец. По ее мнению, это те социально «значимые черты», которые находят свое воплощение в действиях и мыслях героя. Именно неповторимое сочетание этих черт, по мнению литературоведа, способствует проявлению индивидуальности героя, тем самым выделяя его из ряда прочих [12, с. 9]. Подобное толкование характера во многом корреспондирует с рассуждениями литературного критика А. Н. Макарова. Он отмечал, отзываясь о произведениях писателя конца 1950-х — середины 1960-х гг.: «Астафьев нарисовал портрет не одного человека, а портрет характера, способность которого нравственно возвышаться есть следствие нравственного возвышения народа» [9, с. 764].

В некотором роде сибирский вариант («извод») русского национального характера присутствует уже не только в первом рассказе, но и в первой повести В. Астафьева «Перевал» (1959). Трифон Летяга, дядя Роман, Дерикруп, «братаны»

П. А. Гончаров, В. А. Щербакова. Сибиряк как вариант русского национального характера в прозе В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг.

Гаврила и Азарий, Сковородник — не все сплавщики, встреченные Илькой Верстаковым на горной сибирской реке, являются «коренными» сибиряками, «чалдонами». Здесь собрался «разношерстный народ», «потревоженный гражданской войной, сдвинутый с родных мест разрухой и голодом населением» [2, т. 2, с. 54]. Эта мозаика происхождения плотогонов отражает специфику миграции населения всей России и Сибири в двадцатом столетии. Но практически все наделяются автором тактом, смелостью, широтой души, состраданием к обездоленным, трудолюбием. Это, в соответствии с логикой В. Астафьева, тоже оказывается составной частью характера обитателя Сибири.

Появившаяся на рубеже 1950–1960-х гг. «деревенская проза», отличающаяся интересом к традициям национальной жизни, не могла развиваться без внимания к национальному характеру. У В. Астафьева это герой с крестьянскими корнями, сибиряк, охотник и воин, судьба которого оказывается созвучной с биографией писателя.

В литературоведении сложилось мнение, что художественный мир писателя характеризуется именно наличием особого типа литературного героя [7, с. 97–134]. Прозаик часто создает образы героев, взяв за основу их отношение ко всему, что их окружает, в частности, к такому важному для литературы в целом (а для Астафьева — в самой значительной степени) феномену как природа. С этой точки зрения, в творчестве писателя можно выделить два противопоставленных друг другу типа. Первый тип — «антиприродный» (Амос из «Стародуба», Гога Герцев в «Царь-рыбе»), он, как правило, видит в окружающем его мире только возможную выгоду, второй становится неотъемлемой частью природы, ее «продолжением».

Ко второму типу следует отнести молодого таежника Култыша из повести «Стародуб» (1960). В связи с этой повестью есть необходимость привести одно из важных замечаний Н. А. Бердяева: «Два противоположных начала легли в основу формаций русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие» [4, с. 11]. В астафьевской повести эти начала внешне разведены: Култыш бежит, уходит из старообрядческих Вырубов. Но это сюжетно-фабульное «разведение» оказывается сущностным возвращением героя к «аскетически-монашескому православию». Смерть праведного (в астафьевской аксиологии), но изгнанного из псевдостарообрядческих Вырубов Култыша изображается в православных традициях, дополненных характерным для В. Астафьева пантеизмом: «Култыш лежал на нарах в чистой рубахе. В изголовье у него слой мха и пихтовых веток перешибал запах тления. В руке Култыша вместо свечи цветок стародуб. Такой же, как и тот, что хранила за образами Клавдия» [2, т. 2, с. 179]. Показательно, что это описание имеет место и в первом и окончательном вариантах повести [2, т. 13, с. 407]. «Образа», как и «свеча», вместе с преодоленным «тлением» явлены в финале произведения в дополнение к «природной» основе характера и истории Култыша.

Култыш спасается в одиночестве, в горах, вдалеке от людских пороков, от «мира», который его не принимает. Нетрудно заметить близость этого типа с Акимом из повести «Царь-рыба» (1976). Это так называемые природные герои. Образ и функция «природного человека» Акима, как и его литературного «предшественника» Култыша, определяются как «заострение слабости» героев перед лицом зла. Однако такое акцентированное изображение «слабости» стало намеренным под-

черкиванием остроты этических и экологических проблем: «некому, выходит, постоять за разоряемую и уничтожаемую Сибирь» [6, с. 200]. Стоит обратить внимание на то, что по отношению к астафьевским произведениям речь может идти не об эстетической «слабости» образов главных героев «Стародуба» и «Царь-рыбы», а о слабости волевого начала в их натурах. «Склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость» [4, с. 11] могут быть увидены писателем в одном персонаже-сибиряке (Фаефан в «Стародубе»), а могут быть и «разведены» по разным персонажам (Амос и Култыш в «Стародубе», Гога Герцев, «браконьеры» и Аким в «Царь-рыбе», Мохнаков и Борис в повести «Пастух и пастушка»). Здесь бердяевский тезис о русском народе как «поляризованном», совмещающем «противоположности» находит свое очевидное подтверждение.

Астафьевский Фаефан, как и Култыш, как и Аким, и повествователь-рассказчик в «Царь-рыбе», растворившиеся в мире тайги, объединены не только трепетным отношением к родной для них природе, но и особой нравственной чистотой, вольнолюбием, той самой «вольностью», которую Н. А. Бердяев считает одним из основополагающих свойств «русской души». Здесь необходимо заметить, что вольнолюбие астафьевских (а в соразмерной степени — шишковских, шукшинских, зальгинских, распутинских, вампиловских) персонажей-сибиряков имеет свои исторические корни: в Сибири крепостное право не распространялось на крестьян — основную массу русского народонаселения. Многие предки сибиряков бежали в Сибирь, в том числе и от крепостного права, другие прошли через сибирскую каторгу и ссылку. Об этом помнит и астафьевский Фаефан, рассказывая Култышу о «первопоселенцах» верхнего Енисея.

Сыновнее, трепетное отношение к природе как к матери — «<...> тайга женит своего сына!», «матушка тайга» [2, т. 2, с. 136] — является идентифицирующим свойством астафьевского сибиряка. Для Култыша характерно и пантеистическое почитание тайги как божества: «великая сотворительница тайга» [2, т. 2, с. 176]. Собственно пантеизмом начиналось приобщение В. Астафьева к вере, вылившееся затем в актуализацию в его творчестве ряда христианских идей и мотивов, присутствующих уже его произведениям 1970–1990-х гг.

В. Астафьев, благодаря выработанной им манере лирико-автобиографического повествования, вероятно, и сам, несмотря на условность такой идентификации, может претендовать на то, чтобы быть воспринятым как часть того национального характера, над спецификой которого он размышляет. Одним из главных его свойств в этом смысле окажется пантеизм, ощущение слитности с природой, свойство русского человека, выраженное еще в «Слове о полку Игореве («Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерит от великаго Дону до малаго Донца»). «Я как-то утром или ночью, может быть, осенью (весной не хочется) остановилось в пути и поверну обратно. Туда, откуда я пришел. Куда пойду уж безвозвратно, простившись с вами, люди, навсегда. Но не с природой, всех нас породившей» [3, с. 691]. Искренность и органичность астафьевского восприятия природы усилены названием этой итоговой ритмизованной затеси-миниатюры — «Прощаюсь».

Но пантеизм астафьевских героев, захватывающая их «природная, языческая дионисическая стихия» [4, с. 11] имеет, вероятно, не только русские, но и иные особые этнические истоки. Сибирские татары, киргизы, эвенки («тунгусы»), буряты, долганы, представители родственных русским этносов и этносоциальных

П. А. Гончаров, В. А. Щербакова. Сибиряк как вариант русского национального характера в прозе В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг.

групп (казаки, украинцы, белорусы, старообрядцы и др.) на равных с «чалдонами» правах населяют произведения писателя. Вероятно, они приносят в образ сибиряка не только свою «кровь и плоть», но и особенности темперамента, мировосприятия. Пантеизм коренных северных народов, глубинно связанный с тенгрианством и шаманизмом, русское христианское чадолюбие соединились, по всей видимости, в безымянной «ветренке» — в матери Акима и его единоутробных «касяшек». «Ветренке» русской, но имеющей в себе и иную «кровь». Слушая произносимые «изорванными в клочья» губами, «наговоры» об «архангельском ключе» и «коспоте», спасающих от смертельных мук, Аким пытается «вразумить» погибающую мать. «— Се молотис языком, неверующая дак! — сердился Аким и тут же укрощал себя. — Господь, он русский, а у тебя мать долганка!

— Пох один, сыносек, сказывали зэнсыны, — смиренно ответствовала мать, опустив страданием испеченные глаза [2, т. 6., с. 255]. — «Неверующими» считали себя и окружающих многие и в Сибири, и в России в целом, но восходящие к христианским, исламским, буддийским и иным, представления о мироустройстве оказывались сильнее официально провозглашенного атеизма.

Суеверия и наваждения, связанные с обольстительной шаманкой-эвенкийкой, преследуют героев В. Шишкова и В. Астафьева. Здесь будет уместно вспомнить и о названном в предсмертной автобиографии В. Астафьева прадеде-старообрядце, пришедшем в Сибирь в качестве поводыря «из Каргопольского уезда», о проявляемой обитателями Овсянки жалости к ссыльному Васе-поляку, об эвенкийской («тунгусской») прабабке В. Распутина, о «мордовских корнях» русского писателя В. Шукшина и его симпатиях к казачеству. В этом смысле реальная и изображенная писателями-сибиряками Сибирь подобна (как и вся Россия) колыбели и обители многих этносов и народов, одним из своеобразных воспитанников и насельников которой и оказался герой-сибиряк.

Заключение

Безусловно, что в изображении В. Астафьева сибиряк обладает и целым рядом других важных свойств. Среди них — бунтарство, физическая выносливость, вместе с экзистенциальным одиночеством, неприкаянностью, вынужденным сверхранним взрослением, занимают не последнее место. К тому же астафьевский сибиряк не выглядит как характер застывшим, статичным. Но это уже отдельная тема для наблюдений и доказательств.

Итак, самоотверженность, допускающая самопожертвование в мирном и воинском труде, суровая мужественность и непреклонность, соединенные с вольнолюбием, обожествление природы, приятие обычаев, образа мысли и мироощущения различных населяющих Сибирь этносов, — все это объединяет свойства героев В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг. и позволяет отнести их к сибирскому варианту русского национального характера. С одной стороны, этот характер берет начало в жизненном опыте писателя, а с другой — является продуктом осмысления писателем социально-исторических процессов и потрясений России в минувшем столетии.

Литература

1. Аристотель. Поэтика; Риторика. Санкт-Петербург: Азбука, 2013. 346 с. Текст: непосредственный.

2. Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 томах. Красноярск: Офсет, 1997–1998. Текст: непосредственный.
3. Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / составление, предисловие Г. Сапронова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 720 с. Текст: непосредственный.
4. Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. Москва: Э, 2016. 512 с. Текст: непосредственный.
5. Гончаров П. А., Гончаров П. П., Земляковская А. А. «Природный человек» в русской прозе XX века: монография. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2005. 204 с. Текст: непосредственный.
6. Козлова С. М. Региональная концепция национального возрождения в прозе В. М. Шукшина // Творчество В. М. Шукшина: Поэтика. Стиль: межвузовский сборник статей. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1994. С. 4–9. Текст: непосредственный.
7. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 томах. Москва: Академия, 2003. Т. 2. С. 97–134. Текст: непосредственный.
8. Лессинг Г. Э. Гамбургская драматургия. Москва; Ленинград: Academia, 1936. 518 с. Текст: непосредственный.
9. Макаров А. Н. Идущим вслед. Москва: Советский писатель, 1969. 928 с. Текст: непосредственный.
10. Науменко Л. И. Национальный характер // Социология: энциклопедия / составители А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск: Книжный дом, 2003. 1312 с. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/1038/nacionalnyj-harakter.htm> (дата обращения: 23.12.2023). Текст: электронный.
11. Сибирский характер как ценность: монография / под редакцией М. И. Шиловой. Красноярск: Изд-во КГПУ им. В. П. Астафьева, 2014. Т. 5. 256 с. Текст: непосредственный.
12. Чернец Л. В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. Москва: Изд-во МГПУ, 2016. № 4. С. 8–16. Текст: непосредственный.
13. Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники: энциклопедия. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2003. 360 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 07.03.2024.

SIBERIAN AS A VARIANT OF THE RUSSIAN NATIONAL CHARACTER
IN THE PROSE OF V. ASTAFYEV AT THE TURN OF THE 1950s–1960s

Piotr A. Goncharov

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,

Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsyonalnaya St., 393760 Tombovskaya oblast, Russia;

Dostoevskiy Russian Christian Humanitarian Academy

15 Fontanka River Bank, 191023 Saint Petersburg, Russia

goncharovpa2015@yandex.ru

П. А. Гончаров, В. А. Щербак ова. Сибиряк как вариант русского национального характера в прозе В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг.

Veronika A. Sherbakova

Cand. Sci. (Phil.), Lecturer

Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsyonalnaya St., 393760 Tombovskaya oblast, Russia;

Dostoevskiy Russian Christian Humanitarian Academy

15 Fontanka River Bank, 191023 Saint Petersburg, Russia

weronikapoluschkina@yandex.ru

Abstract. The article explores the specificity of the Siberian character as presented and interpreted in the stories and novellas of V. Astafyev. The relevance of the research is driven by the contemporary literary studies' attention to the historiosophical component of the issues in Russian prose, the necessity to study the works of Russian literature of the 20th century in its evolution, most vivid manifestations, and evaluations. The aim of this research is to define the features of the Siberian character created by V. Astafyev in his stories and novellas as a variant of the Russian national character. Through biographical, historical-functional, and textological methods, Astafyev's stories "Civilian," "Siberian," novellas "Pass," "Starodub," and the writer's journalistic works are analyzed. Various views on the features of the Russian national character are examined. The analysis has revealed that in Astafyev's stories and novellas, a vivid image of a Siberian hero is portrayed, a brave warrior ready for self-sacrifice, tempered in the harsh conditions of Siberian life, hardworking, knowledgeable, and sensitive to nature. Astafyev's editing of his first story accentuated the Siberian origin of its main character. It is proven that Astafyev's Siberian embodies the inherent qualities of the Russian national character, complemented by qualities associated with the specific ethnogeographical circumstances of Siberia's history and modernity. Conclusions are drawn that Astafyev's Siberian character is a variant of the Russian national character, and it is indicated that in Astafyev's subsequent mature and late works, the writer pays increased attention to the fate of Siberian heroes.

Keywords: V. Astafyev, prose, national character, Siberian, stories, novellas, "Civilian", "Pass", "Starodub."

For citation

Goncharov P. A. Sherbakova V. A. Siberian As a Variant of the Russian National Character in the Prose of V. Astafyev at the Turn of the 1950s–1960s. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2024; 1: 36–45 (in Russ).

Acknowledgments

The research was conducted with the support of the grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky.

The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 07.03.2024.